

Азамат Эльдиев

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНГУШСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ)

Аннотация. Обсуждаются особенности этнического самосознания в контексте традиционной культуры; ценностные ориентации ингушской студенческой молодежи, основанные на выработанных в истории этических принципах и религиозных верованиях.

Ключевые слова: традиционная культура; условия развития и бытия личности; обязанности и права в традиционной культуре; ментальные качества; идентификация и отчуждение этноса; особенности этнического самосознания; ислам – традиционное верование.

Abstract. The peculiarities of ethnic identity in the context of traditional culture; value orientation Ingush students, based on the worked in the history of ethical and religious beliefs.

Keywords: traditional culture; the conditions of life and personality; rights and duties in the traditional culture; the mental quality identification and ethnic exclusion; especially the ethnic identity; Islam – the traditional belief.

Об этнической
и религиозной
общности ингушей

Среди множества этнических и религиозных общностей Российской Федерации каждый народ имеет свою особенную историю. Я буду говорить об ингушах. Ингуши, *гIалгIай* (самоназвание) – один из народов в России (337 тыс. чел.), проживающий на территории Ингушетии, Чечни, в Сев. Осетии и др. Вместе с чеченцами (общее самоназвание *вайнах*) ингуши относятся к коренному населению Северного Кавказа. Сегодня верующие ингуши – мусульмане-сунниты.

Прежде чем говорить об особенностях самосознания ингушской молодежи в контексте традиционной культуры, я считаю важным обсудить наиболее яркие черты

Устройство
ингушского
общества

общественного уклада ингушского общества, под влиянием которых формируется психологические особенности представителей ингушского этноса.

Особое значение в общественном укладе ингушей имеет *тейп* или *род*. Он выступает как реальный социополитический субъект, который занимает четкие позиции в межтейповой организации [1, с. 53 – 90]. Ингушский *тейп* (род или родовой союз) – это группа лиц, объединенных сознанием родства и общности происхождения от одного действительного или мифологического родоначальника [2, с. 71]. Внутри тейпового объединения существует запрет на экзогамный брак, нарушение которого влечет на семью позор.

Все события жизненного цикла (свадьба, похороны, рождение ребенка, прием гостя) подчинены в ингушском обществе ритуализированным формам обычая [3, с. 15–17]. Все имущественные отношения преломляются через кодекс чести – *эздел*.

Мусульмане
Ингушетии

Отдельно следует обсудить ислам в Ингушетии и Чечне. Ингуши и чеченцы окончательно приняли ислам исторически не так давно, однако они являются самыми ревностными мусульманами из кавказских народов. Свой вклад в ислам ингуши и чеченцы внесли через своих выдающихся земляков – шейхов кадирийского тариката Кунта-Хаджи и Батл-Хаджи. *Вирды* (религиозные группы) Кунта-Хаджи и Батл-Хаджи к концу XIX века были закреплены в религиозных представлениях ингушей [4, с. 144].

Сообщество Кадирийа относится к суннитскому направлению ислама. Для них характерен обряд «громкого зикра» – возвеличивание Бога во время коллективного движения. Именно «зикр» придает специфику религиозной жизни и деятельности ингушей и чеченцев.

Конфессиональная приверженность исламу у ингушей реализуется как в рамках присвоения семейно-родовых традиций. Однако традиционные ценности накладывают свою специфику на самосознание ингушей. Таким образом: *специфика самосознания ингушского этноса исповедующего ислам определяется не только самой догматикой ислама, но и социально-политическими реалиями, в рамках которых происходило распространение ислама на территории Ингушетии и Чечни.*

Самобытность
ингушской этики

Самобытная ингушская этика была выработана как ряд концептов и представлений. Прежде всего эти представления требуют соблюдения своеобразного способа

Адат и шариат у
ингушей

отношений, в мире преломляющегося через кодекс чести «эздел». Отношения внутри этноса регулируются также адатом, шариатом, который не теряет своей актуальности для современного ингушского общества.

Как известно, в ингушской юридической практике существовало два основных свода законов: адат и шариат. В разные исторические периоды их роль менялась. Взаимоотношения между тейпами регулировались адатом.

Адат – это структурированный, регламентированный, свод законов, за тысячелетия выработанный автохтонным населением Ингушетии [5, с. 168]. На адате основывалась и во многом продолжает основываться правовая культура у ингушей. Для коллективного сознания ингушей адат – это священное, богоданное право, нарушить адат означало подвергнуться божьему гневу.

Традиционное
значение адатов

Через систему адатов ингуши веками воссоздавали элементы традиционной культуры вне зависимости от места и условия существования.

Права и обязанности, трактуемые исламским вероучением, в силу своего сходства с традиционными адатами ингушского общества безболезненно включились в систему отношений и социальных ожиданий. В настоящий момент они являются доминантными для подавляющего большинства ингушей.

Традиции кровной
мести

Мстить за смерть (*чирлех*) близкого человека может мужчина – любой член семьи, рода. Срока давности мести не имеет. По адату, круг мстителей и ответчиков с обеих сторон распространяется на всех родственников, но в определенном порядке. Институт мести (*пхъя-лех*) и обязательство мщения (*гир-лех*) как справедливая привилегия потерпевших приобретали легитимную форму.

Остановить цепь взаимных убийств мог договор о примирении – *машара*. Человек считался невиновным, если присягал клятвой на Коране или в присутствии старейшин.

Мое включенное наблюдение позволяет говорить о том, что на сегодняшний день институт кровной мести среди ингушей не теряет своей значимости и актуальности: родовые объединения нередко объявляют друг другу кровную месть, придерживаясь принципа талиона.

Феноменологическая
сущность
понятия «эздел»

Осевой духовной ценностью ингушского этноса является понятие «эздел». «Эздел»* – свойства, каче-

* *Эздел* – свод неписанных моральных правил поведения чеченцев и ингушей.

ства личности, благородство поступков и помыслов, регулируемые традиционными ожиданиями [6, с.220]. Быть «эздий» – значит никогда и ни в чем не допустить ни малейшей слабости, отступления от этических и эстетических норм. А.Х. Танкиев, культуролог и этнограф, специально писал об «эздел»: «Пусть допущена малейшая слабость, совершен незначительный промах и уже тем самым возникает основание считать этого человека не “эздий”, несмотря на все, быть может, выдающиеся достоинства» [6, с. 220].

Эздел – народно-этическое учение о морали

Фактически «Эздел» – это народно-этическое учение о морали, нормах и принципах жизни. «Эздел» включает в себя такие свойства личности как: эхъ – скромность и стыдливость; сагIа далар – милосердие; майрал – храбрость; денал – мужество; камаьршал – щедрость; яхъ – чувство соревновательности в достижении и совершении благородных, добрых, а также общественно полезных дел; гIулакхацаи – говорит о человеке готовом прийти на помощь [5, с. 166]. У ингушей долгое время существовал своеобразный кодекс правил и принципов взаимоотношений основанный на понятиях вежарал (побратимство) и доттагIал (дружба, дружество) [6, с. 200], которые также включаются в понятие «эздел». «Эздий саг», таким образом, – это человек, обладающий всеми без исключения выше перечисленными качествами, выявляющими феноменологическую сущность этого слова.

Эздел – как важнейший инструмент национального воспитания у ингушей

Все отношения у ингушей от рождения и до смерти выстраиваются исходя из принципов «эздеда», что подразумевает следование четко установленной структуре и иерархии взаимоотношений между ингушами разного возраста и пола. На этот счет у ингушей есть поговорка: «Человек не обладающий “эзделом”, не может считаться ингушом». Старшее поколение стремится к тому, чтобы молодежь максимально соответствовала принципам эздеда, которые являются залогом успеха и уважения в обществе.

Регламентация семейных отношений у ингушей

В семейных отношениях «эздел» предписывает всем членам семьи придерживаться определенного стиля одежды. Юноши и девушки должны появляться перед родителями и братьями исключительно в одежде покрывающей все части тела. Юношам запрещается ходить в шортах по дому, а тем более появляться в таком виде перед другими людьми.

В случае, если в комнату заходит отец, мать или другой член семьи старший по возрасту, младший должен встать и предложить свое место и только после устного разрешения старшего сесть. Не встать перед стар-

шим человеком считается грубейшим проступком, за который можно заплатить уважением.

В семейных отношениях всегда четко разграничены функции мужчин и женщин. Девушки не имеют права вмешиваться в разговоры, которые ведут взрослые мужчины, и тем более не смеют сидеть с ними за одним столом. Если в доме есть невестка, она находится в подчиненном положении по отношению к сестрам супруга и должна проявлять к ним повышенное внимание.

Следующим важным аспектом является формы обращений, приветствий и благопожеланий. Каждый уважающий себя молодой человек обязан употреблять традиционные формы обращений в процессе общения со сверстниками и старшими людьми в различных социальных ситуациях.

В случае несостоятельности родителей бремя расходов на женитьбу одного из сыновей ложится на уже женатых детей. Выходить замуж без согласия родителей у ингушей считается позором. За проступки жены отвечает муж. Даже за убийство, совершенное женой, прежде наказывался муж. Вина в преступлении за женщиной не признавалась: им не мстят даже за убийство.

Семейно-бытовую культуру ингушей и по сей день отличает особое покровительство детям мужского пола. Этикет избегания в выражении чувств считается признаком благочестия. С возрастом происходит *смена прав и обязанностей* [3, с. 19 – 21].

Ответственность мужчины, который является старшим в семье, гораздо выше: по обычаю ему предстоит отделиться, то есть покинуть родовой дом и создать собственную семью. Младший из сыновей обязан остаться с родителями – он получит наследство и будет заботиться о родоотцах в старости. Младший из братьев обязан безукоризненно подчиняться старшему и проявлять полное послушание его воле; в случае отсутствия отца или его смерти главой семьи становится старший сын. Обязанность в решении возникающих деловых, родовых и социальных вопросов оказывает значительное воздействие на чувство ответственности не только за личное благосостояние, но и за благосостояние всего рода.

Таким образом, ролевые отношения в роду определены традициями. Роль родителей и старейшин рода заключается в том, чтобы осуществлять контроль над подрастающим поколением в соответствии с традиционными ожиданиями. Человек, соответствующий традиционным ожиданиям рода, реализует потребность в признании и уважении со стороны старшего поколения.

Значение
старшинства
в структуре
семейно-родовых
отношений

Сущностные
особенности половой
идентификации

В случае несоответствия ожиданиям ему грозит изоляция и отвержение: такому человеку не отдадут замуж девушку, с ним не будут считаться, он не будет пользоваться доверием и уважением.

В соответствии с традиционной моделью поведения мальчика воспитывают как будущего хозяина, главу семьи и продолжателя рода. Соответственно родители с детства стремятся инициировать в мальчике такие качества как *смелость, силу, мужество и уверенность в себе*.

В девочке воспитывается *скромность, терпеливость*, принятие подчиненного положения в иерархии семейных отношений. Можно говорить о том, что эти личностные характеристики достойной женщины совпадают с основополагающими требованиями к поведению верующей мусульманки.

Особенности
взаимоотношений
полов

Взаимоотношения молодых парней и девушек также жестко регламентированы. Если молодой человек проявляет интерес к девушке и имеет намерение на ней жениться, он должен через старейшин уведомить об этом родителей девушки и получить их согласие на возможный союз. Только после этого молодой человек может несколько раз встретиться с девушкой в присутствии ее подруг либо родственниц для того, чтобы сообщить о себе и узнать девушку перед тем как вступить с ней в брак. Также молодой человек имеет право во время праздничного мероприятия пригласить девушку на национальный танец «*ловзар*», обозначив таким образом свое внимание к ней. Это событие является очень важным: в случае, если девушка или парень позволяют себе неэтичное поведение, это может навлечь позор как на девушку, так и на парня.

Инициация
посредством
религиозного
воспитания

Религиозное воспитание имеет сущностное значение в воспитании ингуша и ингушки. В младенческом возрасте мальчикам делают религиозный обряд обрезания в традициях исламской медицины (в этом случае снижается риск инфекционных заболеваний).

На начальном этапе подросткового возраста мальчика обучают выполнять пятикратную молитву и все обряды, связанные с ней (омовение и прочее). С этого момента по исламскому канону мальчик считается *мужчиной*, который обязан соблюдать нормы и принципы веры. Кроме этого, мальчика обучают национально-религиозному обряду «*зикр*»*. Этот обряд выполняется только у ингушей и играет огромную роль в их жизни, так как обеспечивает идентификацию через подража-

* *Зикр* – национально-религиозный обряд восхваления Бога.

ние взрослым и выполнение традиционно значимых действий. Далее молодому человеку предоставляется возможность осуществлять обряды жертвоприношений на похоронах, свадьбе, собрании рода, религиозных праздниках. Это также значимый этап социализации: по первому разу психологически трудно умертвить крупное животное.

Освоение всех этих религиозных практик оказывает сущностное воздействие на осознание себя мужчиной, несущим ответственность не только за себя и свою семью, но и за свой род и нацию в целом.

Каждый человек на каждом из этапов своего жизненного пути стремится ответить на вопрос «Кто я?».

Сакраментальный вопрос «Кто я?» был использован при построении метода «*Twenty-statements test*», который был использован М. Куном и Т. С. Макпартлендом в 1954 году [7, с. 68–76].

Позднее этот сущностный вопрос лег в основу метода глубинной рефлексии В. С. Мухиной. Метод «*Twenty-statements test*», предложенный М. Куном и Т. С. Макпартлендом, был переосмыслен В. С. Мухиной. Она писала: «М. Кун и Т. С. Макпартленд лишь удачно извлекли из сигнификативного поля человеческой речи и Великого идеополя общественного сознания вопрос “Кто я?”... В действительности “Кто я?” – это извечный вопрос вопросов, обращенный человеком к самому себе».

В сознании человека как личности доминируют ценностные ориентации избранного пути, затем следуют значимые для него личностные качества и социальные роли» [8, с. 959].

Метод глубинной саморефлексии В. С. Мухиной предоставляет испытуемому возможность анализировать свои качества, ценностные ориентации и цели жизненного пути.

Процедура метода заключается в *самоописании личностных свойств*. Испытуемому предлагается дать 15 ответов на вопрос «Кто я?». При этом дается рекомендация отвечать так, как будто респондент отвечает самому себе. Время рефлексии и написания ответов не ограничено [9, с. 119].

Свой метод рефлексии В. С. Мухина апробировала на учащих молодых людях – членов групп, которые были распределены по принципу отношения к вере, к науке, к этническим и межэтническим отношениям [8, с. 959].

В исследовании ценностно-смысловых ориентаций у ингушской молодежи, обучающейся в светском учебном заведении, я предложил отвечать на вопрос «Кто

Сакраментальный
вопрос человека
к самому себе

Метод «*Twenty-
statements test*»

Метод глубинной
рефлексии

Процедура метода
глубинной
рефлексии

Особенности
самосознания
студентов ИнГУ

я?» в стилистике, задаваемой В. С. Мухиной. Исследование проводилось со студентами Ингушского Государственного Университета (ИнГУ). Всего было исследовано пятьдесят юношей и пятьдесят девушек (второй и четвертый курсы).

Проанализировав ответы студентов, исповедующих ислам, я выявил ряд типичных рефлексий, характеризующих сущностные особенности ценностных ориентаций ингушской молодежи.

Приведу примеры суждений.

Инал, студент третьего курса.

Кто «Я»?

- Я – ингуш, так как соотношу все свои действия с нормами своего народа.

- Я – мужчина, так как прежде чем совершить поступок, соотношу его с определенными нормами поведения мужчины в обществе.

- Я – сын, потому что у меня есть родители, играющие важную роль в моей жизни.

- Я – брат, так как состою в родственных отношениях такого характера.

- Я – студент потому, что посвящаю определенную часть своей жизни этой деятельности.

- Я – мусульманин потому, что верю в существование Бога и правдивость слов Мухаммада.

- Я – человек, так как обладаю специфичными человеческими качествами.

- Я – потенциальный отец, так как стараюсь воспитывать в себе качества, необходимые для этой роли.

- Я – друг, потому что есть люди, с которыми я общаюсь на таком уровне.

- Я – будущий филолог, так как готовлю себя к этой профессии.

- Я – общительный, так как легко могу наладить контакт с людьми.

- Я – стойкий, так как быстро восстанавливаюсь после неприятностей.

- Я – надежный, так как стараюсь сделать все, чтоб не подводить людей.

- Я – веселый.

- Я – гражданин, так как принимаю права и обязанности РФ.

Выше был приведен пример рефлексивного самоотчета. Я считаю правильным говорить о молодежи с определенным типом ценностных ориентаций в рамках изучаемой выборки. Я считаю, что для данного типа рефлексий на себя *характерно ценностное отношение*

Суждения о своей сущности студента-ингуша, исповедующего ислам

Типичные суждения студенческой молодежи о себе

Рефлексии
направленные на
осмысление своей
сущности

к религии. Ислам через первичную идентификацию себя как мусульманина приобщает к ценностям, характерным для мировой общины мусульман. Такое приобщение осуществляется посредством символа вероисповедания мусульман (шахады), а также через ежедневное осуществление молитвы-поклонения (намаз). Этот факт выявляется через типичные для данного типа рефлексии (Я – мусульманин (ка), верю, что нет Бога кроме Бога и Мухаммад слуга и посланник Его; Я – мусульманин (ка), молюсь, совершаю намаз).

Осмысление своей сущности протекает в контексте рефлексий, характеризующих личностно значимые качества, а также социально значимые роли, не связанные со смыслами, характерными для исламской религии и традиционной культуры.

Например, респондент в первую и последнюю очередь отмечает: «Я – мусульманин, Я – раб Бога». На бытовом уровне данный юноша, скорее всего, руководствовался суждениями, выражающими ценностное отношение и приверженность традиционным ингушским ценностям и ориентирам: (Я – ингуш; Я – сын своего народа; Я – горец; Я – живу по адатам^{*}). Таким образом, молодой человек отмечает, что в обыденной жизни руководствуется адатом или нормами обычного права, существовавшего у ингушей с незапамятных времен и продолжающими играть важную роль в регуляции общественных и межличностных отношений.

В другом случае суждения молодой девушки выстроены по существу аналогичным способом по такому же типу. В первую очередь происходит идентификация себя как мусульманки: (Я – мусульманка). Однако следующие рефлексии, связанные с отношением к традиционной нормативности, выстроены аналогично, по ранее описанному типу: (Я – ингушка; Я – считаю, что наши адаты ни в чем не противоречат Исламу (часто спорю на эту тему); Я – считаю, что если *g1algl1a*^{**} соблюдает Эздел^{***}, то лучше его не найти среди представителей всех наций).

Рефлексии
ориентированные
на социально
значимые роли

Также для молодежи данного типа характерны рефлексии, ориентированные на социально значимые роли и личностно значимые качества: 1 – позитивные соци-

* *Адат* (араб.-обычай) – обычное право у мусульманских народов, противостоящее религиозному праву – шариату.

** *Glalgl1a* – ингуш в переводе на русский.

*** *Эздел* – высший духовный и нравственный идеал в ингушском менталитете.

ально значимые качества (Я – справедливый (ая); Я – щедрый (ая); Я – добрый (ая); 2 – гендер, родовая принадлежность (Я – человек; Я – девушка; Я – мужчина); 3 – профессия, социальное положение (Я – студент (ка)); 4 – патриотические чувства и суждения (Я люблю Ингушетию, Я горжусь тем, что я ингушка).

Таким образом, в глобальном отношении индивиды идентифицируют себя с исповедуемой религией, однако, *сущностное осмысление личностно значимых качеств осуществляется в контексте традиционной нормативности.*

Осмысление своей личности в контексте религиозной веры

Хотел бы также привести суждения молодого человека, который в своих рефлексиях стремился осмыслить себя в контексте религиозной веры.

Мухаммад Амин, студент второго курса.

Кто «Я»?

- Я – мусульманин.
- Я – тот, кто верит в Бога.
- Я – тот, кто на дороге за пророком Мухаммадом С.А.В.* на пути.

• Я – тот, кто молится Богу, читает Коран, чтобы его прославлять.

- Я – добросовестный.
 - Я – тот, кто пытается поддерживать Иман**.
- Ислам***.

- Я – тот, кто любит свою религию.
- Я – тот, кто боится Бога.
- Я – тот, кто пытается учиться, но у меня это не так получается.

- Я – тот, кто любит свою семью.
- Я – тот, кто не так хорош.
- Я – тот, кто любит своих друзей.
- Я – тот, кто пытается быть хорошим с друзьями.
- Я – тот, кто помнит о смерти.
- Я – тот, кто любит Ингушетию.

Соответствие принципам исламской веры

Ингуш, исповедующий ислам определяет себя и свои жизненные устремления в соответствии с канонами ислама: Я – мусульманин; Я – верю в Бога; Я – на дороге за пророком Мухаммадом с.а.в; Я – молю Бога и читаю Коран чтобы его прославлять; Я – пытаюсь поддерживать Иман, Ислам; Я – люблю свою религию; Я – боюсь Бога; Я – всегда помню о смерти.

* С.А.В – саллалахуалейхивасалам – переводится так «Да пребудет над ним мир и благословение Бога».

** Иман – вера в Бога.

*** Ислам – дословно «покорность Богу».

В качестве основных понятий, отражающих осмысление жизненного пути мусульманина, можно выделить следующие: вера в единого Бога; богобоязненность; иман; ислам; поклонение Богу; следование по пути пророка Мухаммада; служение Богу; приверженность исключительно исламским ценностям. Эти ключевые понятия организуют особенность мышления, специфику картины мира и самосознания мусульман.

Данного респондента отличает сущностное проникновение в основы веры, понимание своего предназначения, владение основными понятиями исламской религии, а также отсутствие суждений, связанных с традиционными для ингушского этноса ценностями или с отождествлением себя с соответствующей этнической группой. Также характерной чертой в данном случае выступает нивелирование личностно значимых качеств и социальных ролей. Ценностные ориентации направлены исключительно на интеграцию с мусульманской общиной (уммой).

Большой интерес представляют рефлексии молодых людей, стремящихся выйти за рамки суждений, ориентированных на религию, этнос или на социально значимые роли.

Ильяс, студент третьего курса.

Кто «Я»?

- Я – живое существо.
- Я – тело, которое состоит из органов.
- Я – частица космоса.
- Я – производное других я (матери и отца).
- Я – носитель и продолжатель мыслей и идей других я (их опыта, мудрости).
- Я – мое прошлое, настоящее, и будущее.
- Я – существо, которое стремится быть человеком, которое отличаться животных.
- Я – тот, кто делает выбор.
- Я – тот, кто существует.
- Я – «время» которое течет пока я жив.
- Я – тот, кто постоянно познает.
- Я – двигатель (пока я жив).
- Я – целый мир, который борется со всякими страстями, пороками, темными желаниями.
- Иногда Я – это не Я.
- Я – это Я.

Приведенные суждения отличаются стремлением молодого человека философически проникнуть в сущностные особенности своей личности, своего бытия в мире и обществе, а также обозначить свою индивиду-

Попытки философского осмысления своей сущности

Суждения о своей сущности студента-ингуша, не приверженного исламу и свободного от этнических установок

Стремление к философскому осмыслению своей сущности

Маргинализация
студенческой
молодежи

альность. Личности с ориентацией на такой характер суждений и рефлексий составляют отдельный тип.

Для значительной части студенческой молодежи также характерна *лингвомаргинальность*, замена ответа на вопрос «Кто Я?» на вопрос «Какой Я?», перенос суждений с себя на окружающих («Я люблю... не люблю...», «Мне нравится... не нравится...»), а также оценка себя через отрицание («не лицемерка», «не предатель»). Я ограничусь общим описанием этого типа суждений.

Мир духовных
ценностей ислама
и православия

Изучая рефлексии на свою сущность православных христиан, В.С.Мухина выявила, что учащиеся духовной академии рефлексировали в соответствии с выбранным и осваиваемым путем в сфере канонов богословия православной церкви [8, с. 959 – 962; 10, с. 55 – 58]. Специфику картины мира, самосознания и особенностей мышления православных студентов МДА** организуют амбивалентные сущности православного человека, проявляющиеся в единстве двух ипостасей: 1 – «Я – Бог», «Я – личность», «Я – человек имеющий свободу выбора и ответственности»; 2 – «Я – червь», «Я – прах», «Я – раб Божий». В этих рефлексиях выражена канонизированная ментальность религиозного сознания православных студентов.

Проводя аналогии православия с исламом, следует отметить следующее. В качестве объединяющего момента ислам, также как и православие, ориентирует на безусловное служение Богу, подчинение Его воле и слову (шариат – или путь к Богу в исламе). Тем самым ислам и православие ориентируют на сущностную связь с Богом, служение Его воле, на духовный рост и достижение внутренней гармонии посредством веры в Него.

Ислам и православие
в контексте модели
конъюнкции

Ислам и православие теоретически условно можно представить в виде модели пересекающихся кругов – конъюнкции Леонарда Эйлера. В качестве общего пространства наложения кругов Л.Эйлера ислам и православие можно представить в служении Богу, в безусловном подчинении Его воле, в укреплении веры.

В то же время для мусульман вообще и ингушской молодежи, исповедующей ислам, в частности суждения типа «Я – бог» или «Я – подобие Божье» являются не просто неприемлемыми, но и одномоментно выводящими мусульманина из ислама. Для ортодоксальных мусульман характерна позиция подчинения Божьим законам во всех сферах касающихся челове-

* МДА – Московская Духовная Академия.

Уровни
религиозного
самосознания

ских взаимоотношений, что выражено и в символе веры мусульман.

Анализ данных, полученных в нашем исследовании, позволил выделить *типологию уровней религиозного самосознания* с различными ценностно-смысловыми ориентациями посредством классификации ключевых реф-лексий молодежи на свою сущность: 1 – *синкретический или маргинальный*; 2 – *мифологический*; 3 – *ортодоксальный*. Рассмотрим подробнее каждый тип.

Синкретический или
маргинальный
уровень
религиозного
самосознания

Для *синкретического или маргинального уровня религиозного самосознания* характерны: лингвомаргинальность, *неспособность выделить смысловые единицы в рефлексиях*; замена ответа на вопрос «Кто Я?» на ответ «Какой Я?», («Я – хороший», «Я – справедливый»); оценка себя через отрицание негативных качеств («не лицемер», «не предатель»). Лишь незначительная часть опрошенных относится к этому типу религиозного самосознания (18 % от общего числа опрошенных респондентов).

Мифологический
уровень
религиозного
самосознания

Для *мифологического уровня религиозного самосознания* характерно следующее. Как правило, в первую очередь в своих рефлексиях молодые люди идентифицируют себя как мусульман, и только затем как членов этнической общности. Они получают образование для реализации своих профессиональных качеств. Дом, семья, родители, дети, род в целом составляют ядро ценностных ориентаций и цели жизни. Они религиозны, соблюдают традиционные ритуалы, реализуют себя в контексте традиционных этических ценностей и нормативности. Представления о религии у молодежи с таким типом самосознания скорее носят мифологический характер, нежели реально соответствуют философии и канонам ислама. Большая часть опрошенных относится к этому типу религиозного самосознания.

Ортодоксальный
уровень
религиозного
самосознания

Для *ортодоксального уровня религиозного самосознания* характерно следующее. Ценностные ориентиры молодежи на этом уровне лежат в основном в теологической плоскости и плоскости канонов веры. Их типичные суждения о себе характеризуются стремлением к глубинному осмыслению исповедуемой религии; их жизненные цели, установки и ментальность в целом носят характер строгого следования канонам ислама. Для молодежи с ортодоксальным самосознанием характерна идентификация исключительно с мусульманской общиной, неприятие к проявлениям либерализма.

Философическая
молодежь

Особняком стоят тонко рефлексирющие молодые люди, которых я условно назвал «*философическая молодежь*». Для них характерны рефлексии, ориентированные на глубинное философское осмысление своей сущности, не детерминированное религиозными, этническими и социально-ролевыми установками на свою сущность. Молодежь с философическим типом рефлексий уникальна и редка по численности. Однако нельзя игнорировать тех, кто пытается тонко рефлексировать, выходя за рамки обыденного сознания.

Эмоциональная
включенность
молодежи
в социальные
проблемы

Сегодняшнее ингушское общество, (как и в предыдущие века) продолжает остро переживать социальные перипетии, происходящие в мире, в России, а также в Чечне и Дагестане. В первую очередь это проблемы, связанные с безопасностью граждан, соблюдением прав человека, террористическими угрозами и межэтническими конфликтами.

Социальные проблемы находят свое отражение в этническом самосознании ингушской молодежи. Они выражаются в следующем: 1 – потребность в чувстве безопасности («Я переживаю за свою родину», «Я не чувствую себя в безопасности в Ингушетии», «Я бы хотел уехать», «Я бы хотел, чтобы в Ингушетии не было терроризма», «Я хочу, чтобы в Ингушетии не было беспредела»); 2 – потребность в идентификации с этническим «Мы»; 3 – потребность в реализации своей внутренней позиции в отношении к миру и Я-идентичности.

Чувства, переживаемые молодежью, отражают реальные взаимоотношения человека с миром (прежде всего с людьми из ближайшего социального окружения).

Я разделяю мнение К.Левина, который считал, что «подчинение правилам группы может быть более или менее добровольным, но оно может возникнуть и в результате сильного чувства “мы”» [11, с. 194]. Согласно мысли К. Левина, обособление личности от других и идентификация со своей этнической группой и религией побуждает к следованию соответствующим ценностям этих общностей. Осознание принадлежности к определенной группе требует от личности ответственного следования ее ценностям.

Для моего исследования также актуальны идеи С. Л. Рубинштейна, согласно которым: «На уровне исторических форм существования у человека, когда индивид выступает как личность, а не как организм, эмоциональные процессы связаны не только с органическими,

Истоки потребностей личности

но и с духовными потребностями, с тенденциями и установками личности...» [12, с. 554].

Потребности личности отдельного человека определяются *как* процессами происходящими в мире, *как* процессами, происходящими в государстве, к которому принадлежит человек, *как* процессами, происходящими на территории проживания своего этноса, *так* и внутренней позицией самого человека. В. С. Мухина, обсуждая проблему личности в условиях этнического возрождения и столкновения цивилизаций, настоятельно указывала на силу влияния социальных условий и на силу внутренней позиции личности в отношении к этим социальным условиям [13, с. 16 – 39]. При этом В. С. Мухина указывала на то, что «этническая идентичность – социокультурный и социально-психологический феномен, соединяющий когнитивные и аффективные представления и переживания...» [13, с. 19]. Своими исследованиями ингушской учащейся молодежи я подтверждаю правоту моего учителя.

Проблема обеспечения безопасности

Анализируя проблему этнической идентификации в современном мире, В. С. Мухина вслед за другими исследователями поднимала проблему *обеспечения безопасности*. В частности, *проблему личной и этнической безопасности*. Эта проблема может решаться на разных уровнях политических и социально-психологических отношений.

Проблемы «Я-идентичности» и «Мы-идентичности»

В. С. Мухина справедливо разделяет проблемы «Я-идентичности» и «Мы-идентичности» в рамках семьи, рода, этноса, страны, мира и их влияние на специфику развития самосознания в разных частях Земного шара. Многое зависит от ментальности цивилизаций (Западной, Восточной и др.). При этом даже на территории одной страны разные этносы по-разному определяют свою идентичность [13, с. 17]. Я убеждался в этом неоднократно, изучая особенности этнического самосознания ингушей и наблюдая наших братьев-соседей чеченцев.

Эмоционально-психологическая позиция этноса

На основе взаимной идентификации ингушской молодежи, возникает особое эмоционально-психологическое пространство внутри этноса с типичными для всех и каждого члена общности переживаниями. Я считаю, что в сложившихся (по существу экстремальных) социальных условиях в этническом самосознании ингушской молодежи на передний план выходят переживания, связанные с традициями и верованием, а так же переживания, связанные с духовным самоопределением и формированием внутренней позиции по отношению к происходящим событиям.

Молодые люди открыто переживают за историческую судьбу своей этнической общности, и ищут ценности, укрепляющие их дух и дающие чувство личной и этнической безопасности.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что на самосознание ингушей оказывают колоссальное влияние: 1 – традиционные ингушские ценности (обычное право, получившее во времени определенную трансформацию, однако сохраняющее свои позиции); 2 – мусульманская цивилизация; 3 – Россия, в составе которой ингуши проживают в течение последних двух столетий; 4 – коммуникационные поля, транслирующие новые идеи и стандарты эпохи интеграции цивилизаций; 5 – Великое идеополе общечеловеческого самосознания.

Полученные рефлексии ингушской молодежи объясняются сложившейся в традициях особенностью самосознания, идентификация которых идет: 1 – с *конфессиональной группой и верой*; 2 – с *собственно этнической группой*; 3 – с *обществом более высокого порядка (в редких случаях с общероссийским государственным устройством)*.

Общечеловеческая идентификация («Мы Земляне», «Я землянин») у ингушской молодежи реально отсутствует (за исключением единичных случаев в рефлексиях «философичной молодежи»). Коммуникации социальных сетей влияют лишь на частные заимствования. Осознание значения Великого идеополя общечеловеческого самосознания удалось обнаружить лишь у малой части молодежи; в основном это философичная молодежь.

Основной вывод из проведенного исследования состоит в следующем: *несмотря на интеграционные процессы, ценностные ориентации ингушской студенческой молодежи реально глубоко фиксированы на традиционной культуре, основанной на выработанных ингушским этносом этических принципах и религиозной вере.*

1. Гандарова Л.Б. Обычное право ингушей: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004.

2. Христианович В.П. Горная Ингушетия. – Ростов н/Д., 1928.

3. Харсиев Б.М. Ингушские адаты как феномен правовой культуры: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Ростов н/Д., 2003.

Особенности
идентификации
ингушской
молодежи

Глубинная
включенность
молодежи
в традиционные
ценности

4. Хевсаков В.В. Генезис религиозных воззрений ингушей: Дис. ... канд. истор. наук. – Владикавказ, 2004.
 5. Зязиков М.М. Традиционная культура ингушей: история и современность. – Ростов н/Д., 2004.
 6. Танкиев А.Х. Духовные башни ингушского народа. – Саратов, 1997.
 7. Kuhn M., McPartland T.S. An empirical investigation of self-attitudes // American Sociological Review. – 1954. – Vol.19. – № 1. – P. 68–76.
 8. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). 2-е изд. исправ. и доп. – М., 2010.
 9. Мухина В.С. Рефлексивный тест-самоотчет «Кто я?»: возвращение к обоснованию установок, обращенных к реципиенту, и требования к анализу типов рефлексии на себя // Развитие личности. – 2008. – №4. – С. 86–119.
 10. Мухина В.С., Васильченко А.А. «Кто Я?» или самоописания личностных свойств // Развитие личности. – 2006. – № 3. – С. 32–58.
 11. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. – СПб., 2000.
 12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб., 2008.
 13. Мухина В.С. Личность в условиях этнического возрождения и столкновения цивилизаций: XXI век // Развитие личности. – 2002. – №1. – С. 16–39.
-

